

Окладная книга Ростовской воеводской канцелярии 1761 г.

Т.Ю. Субботина

В отделе редкой книги и рукописных источников ГМЗРК хранится рукопись из комплекта документов Ростовской воеводской канцелярии¹, которая имеет название «Окладная книга кабацких и протчих канцелярских зборов, положенных на Адмиралтейство, в Камор-коллегию и в Статс-кантору Переславской провинци Залескаго Ростовской воеводской канцелярии 1761 году»², и представляет собой блок из тетрадей по 8 листов вержированной бумаги размером 2^о, с филигранями «Герб Ярославля» и литерами «ЯМАЗ»³, без переплета. Объем рукописи 480 листов, между разделами – по нескольку (от 1 до 5) пустых. По листам скрепы: по правому полю – «воевода Петр Протасьев»; по нижнему – «канцелярист Федор Внуков».

Состав документации учреждений местного управления определялся указом Сената от 15 ноября 1753 г. и 23-м пунктом Губернаторского и Воеводского наказа, в соответствии с которым «...те книги для счета и свидетелства подавать в оные канцелярии, в которых о счете поступать по указам»⁴. Окладные книги содержали информацию о распределении разного рода платежей – окладных зборов, представлявших собой разновидность прямых налогов, взимаемых ежегодно в определенном размере с каждой податной единицы.

Как всякий годовой финансовый документ Книга начинается росписью по статьям остаточных сумм от прошлого 1760 г., с подведением итога: «за расходом налицо денежной казны канцелярских разных зборов... в сумме 11136 руб. 2/4 коп.», которые канцелярист Федор Внуков передает под роспись «определенному на 761 год канцеляристу Ивану Зверинцову»⁵.

Далее расписываются оклады разных зборов. На разворотах листов слева – «Оклад», справа – «Приход». Каждая писцовая запись в приходе заверяется личной подписью принявшего деньги: «Взяты. Принял Иван Зверинцов и отпись дана», и указано, какими именно платежными средствами уплачена сумма: монетами, денежками, полushками в различных сочетаниях.

Все платежи, записанные в Книге, по своему назначению разделены на две части: «положенные на Адмиралтейство»⁶ и «положенные в Камор-коллегию и Статс-кантору»⁷. К «положенным на Адмиралтейство» относятся оклады с кружечного двора и кабаков, «конские сборы», с лавок, полков и шалашей, с лавочных, полулавочных

мест и с соляной варницы, с кузниц, угольников и с письма крепостей, с мельниц, с рыбных ловель, с пустошей и пожен, с винокуренных кубов; к «положенным в Камор-коллегию и Статс-контору» – часть «питейных» сборов, табачные пошлины и пошлины с домовых бань.

Первый раздел – «Положенных на Адмиралтейство питейных» расписывает оклад с кружечного двора в Ростове «с принадлежащими в Ростовском уезде кабаками: вотчины Петра и Сергея Ивановичей князей Репниных в с. Великом, Борисоглебского монастыря, что на Устье в подмонастырных слободах, вотчин графов Петра да Сергея Борисовичев Шереметевых в с. Вожажникове, в вотчине Святейшаго Правительствующаго Синода с. Караше, и в том городе и уезде... показанной оклад 5281 руб. 02 2/4 коп.»⁸. В приходе этого раздела записаны суммы, уплаченные «определенными из ростовского купечества поверенными к приему и отдаче вина и водки» Федором Паутовым и Иваном Одинцовым, принятые ими у «директоров компанийщиков» Мурзина и Щукина⁹.

Размер оклада определен Переславской провинциальной канцелярией по указу из Московской губернской канцелярии. В качестве обоснования установленной суммы откупа приводится история о том, что вначале дело «питейного» сбора было отдано на откуп «московскому Хамовой слободы откупщику Семену Бородулину»¹⁰. До марта 1730 г. он платил 7095 р. 25 к., затем указом из провинциальной канцелярии установлен оклад 7419 р. 17 к., «...и по прошествии оногo откупщика урочных лет владел по откупу с 732 по 736 гг. москвитин Федор Пантелеев, а в 736 к тому збору были определены верныя из ростовского купечества»¹¹. С июля 1743 г. указом из Камер-коллегии и Провинциальной канцелярии таможенные и питейные сборы в Ростове отданы на откуп Переславль-Залесскому купцу Филиппу Угримову, «и числить те зборы велено за ним»¹² с января 1743 по 1 января 1747 г., в год по 8123 р. 59 к., «которой збор оной откупщик и содержал, а 1749 января 18 дня по указу из Камор-коллегии с 1749 г. с последнего торгу откуп получил замосковский 1 гильдии купец Андрей Пантелеев 9188 р. 80 к., и отданы ему по 1754 год»¹³. Но с 1751 г. Пантелеев передал право «до урочных ему лет» платить переславцу Филиппу Угримову¹⁴. Указом из Камер-коллегии «по прошению Угримова с 754 с него сборы снять... и за неимением охочих людей с 1 января 1754 г. определить из ростовского купечества верных зборщиков. А указом 1758 марта 2 сборы отдать на откуп СПб купцам Ивану Мурзину и Ивану Щукину со учиненною с наддачей суммою 10500 р. в год»¹⁵.

Второй раздел – оклад конских пошлин, в котором также приводится история установления размера этого платежа. Из нее мы узнаем, что с 1725 г. оклад «имелся на Ростовской Ратуше»¹⁶, а с 1755 г. указом из Камер-коллегии «для убежания от верных зборщиков недобору, отдать на откуп ростовскому купцу Андрею Зверинцову ис плате-

жа по большему 1747 г. збору – 673 р. 61 $\frac{1}{4}$ к. на год»¹⁷ вперед на 4 года, но до истечения этого срока, с марта 1758 г. право на сборы было передано вышеупомянутым Санкт-Петербургским купцам Мурзину и Шукину, обещавшим дать сумму «с наддачею»¹⁸. Кабацкие и конские сборы они уплачивали вперед, по третям года (январская, майская, сентябрьская).

Третий раздел – оклад с лавок, полков и шалашей. Здесь сообщается, что кроме твердо установленной суммы с наличных торговых мест (41 р. 63 $\frac{1}{4}$ к.) вносятся сборы с пустующих лавок, которые отдаются воеводской канцелярией желающим по их челобитью. Приводится перечень таких «прибылых»¹⁹ мест с указанием имени и социального положения бывшего и настоящего владельцев, расположения лавки (в каком ряду, рядом или против кого), иногда – ее размера, а также величины оброка. В приходе – суммы этих сборов, полученные «у сборщика оных зборов Михаила Васильева сына Шелудякова»²⁰ 2 раза в течение года.

Отдельный раздел – оклад с лавочных и полулавочных мест и с соляной варницы начинается указанием: «С соляной варницы за пустотою не платится»²¹, а в целом он имеет такую же структуру, как и предыдущий раздел.

Далее в трех разделах расписаны оклады: «с кузниц и угольников и с письма крепостей»²²; с постоянных дворов (основные сведения по аналогичным разделам опубликованы ранее²³); с торговой бани и с осадных дворов. Прихода в последнем разделе нет, т.к. в Ростове не было ни специально построенных внутри крепости дворов на случай осады, где хранились бы запасы продовольствия и оружия, ни общественной – «торговой» – бани. А вот домовые бани были, о них – в последнем разделе Книги.

Следующий раздел, самый большой по объему, – платежи с мельниц в вотчинах Ростовского уезда. На 96 листах приводится список всех мельниц (водяных и ветряных), записанных в окладные книги в течение почти всего XVIII в., что позволяет существенно расширить опубликованный ранее перечень вотчин²⁴, которые расписаны по станам. Иногда можно проследить смену хозяев вотчин, когда оклад записан за одним владельцем, а в приход записан платеж, полученный с другого; в некоторых случаях прямо записано: «...а ныне та вотчина имеется за...»²⁵ и указывается фамилия нового владельца.

Государство было заинтересовано в том, чтобы ни одна, даже малая платежная статья, не выпала из дохода, поэтому давалось подробнейшее описание обстоятельств, приведших к невозможности уплаты, которые выяснялись «по осмотру и по обыску»: от пожарного разоренья, от потопу или вследствие других причин.

В качестве примера можно привести историю с мельницей на р. - Которосль в вотчине князей Сергея и Петра Ивановых детей Репни-

ных, находившейся в Холмецком стане, Великосельской волости в д. Кудринской, которая дает уникальную информацию о судоходстве в Ростове: «Ранее имелась во владении во Дворце. В деле явствует, что в 707 г. пожалована в составе Великосельской волости генерал-фельд-маршалу кн. Никите Ивановичу Репнину. В 722 г. та мельница разорена, а оброк велено иметь на тех людях, которые промышляют судовым ходом, и июня 12 дня 1733 г. ростовский ратушный бурмистр Никита Кожевников, староста Дому ростовского архиерея с. Поречья Гаврила Яковлев сын Веревкин, да с. Воржи староста Афанасий Иванов, новоотписной вотчины, которая имелась за Платоном Мусиным-Пушкиным села Угодич староста Федор Иванов, вотчины генерала крикскамисара кн. Михаила Михайловича Голицына села Сулости староста Василей Гаврилов, лейб-гвардии Семеновского полку поручика Ивана Тимофеева сына Бабарыкина того с. Сулости староста Григорей Андреев в ростовскую воеводскую канцелярию подали полюбовный договор, что на тое мельницу оброк за промысл судовой станут они платить погодно каждый по жеребьям (расписано, кто какую часть будет платить – Т.С.). А октября 10 1734 г. с. Сулость староста Григорей Андреев с товарищи объявили, что той вотчины крестьяне судовым ходом ныне не промышляют и впредь промышлять не будут за скудостью, а вместо их судовой ход имеет г. Ростова соколей помытчик Дмитрий Гаврилов сын Кекин и будет платить указанное число»²⁶. Еще один член семейства – соколий помытчик Иван Кекин фигурирует как откупщик мельницы на р. Нерль под д. Логинковым²⁷. Таким образом, открывается еще одна грань многообразной предпринимательской деятельности представителей этой известной фамилии.

Правительственными указами предписывалось принимать все возможные меры для восстановления утраченных доходов. Процедура была длительная и не всегда приводила к желаемому результату, о чем свидетельствует история с мельницей Спасского монастыря на песку под д. Новоселкою на р. Могзе. «По обыску оная мельница запустела от разорения плотины водою по отовладению откупщика вотчины Б.П. Шереметева с. Вощажникова кр. Андрея Содомова, которой ныне имеется монахом. Из того следствия выписка послана в Московскую губернскую канцелярию сентября 4 1734, а на то указу и поныне не получено, и по мнению воеводскому оную мельницу за неимением лесов содержать нечем, о чем явствует в посланной ведомости в Камор-колегию. Следственные дела посыланы для рассмотрения в Переславль-Залесский к Адмиралтейским Афицерам в 739 15 октября, а от тех афицеров взяты к рассмотрению в Московскую губернскую канцелярию. А 742 марта 22 в Указе из Переславской провинциальной канцелярии показано о построении той мельницы вновь, или об отдании на откуп охочим людям с торгу, а если охотников не явится, построить казенными денгами. Ко взятью той мельницы ох-

чих людей не явилось. Из Ростовской воеводской канцелярии послан был по инструкци[и] дворянин Иван Перхуров. Возвратясь из оной посылки свидетелствовал, и обывателские подписи за руками при доношении объявил: оную де мельницу казенными денгами построить хотя и можно, но токмо через немалый убыток, понеже при той мельнице лесов не имеется, и впредь содержать и благонадежной быть не возможно. И о том в Переславскую провинциальную канцелярию писано...»²⁸.

По материалам данного раздела можно получить представление о появлении и бытовании мельниц. При постройке мельницы в воеводскую канцелярию старостой деревни подавалась челобитная, в которой указывалось: где, в чьих владениях, кем, для какой цели («для помолу про домовою обиход хлеба»), какая (водяная или ветряная) мельница построена. В соответствии с челобитьем отправлялось «определение» в вышестоящую канцелярию, откуда приходил указ – записать в окладную книгу с установленным платежом. Аналогичный указ давался в вотчину, владельцу мельницы.

Если мельница по какой-то причине оставалась без хозяина и обрзовывался долг, записывавшийся в «доимочную книгу», то новый хозяин должен был его выплатить. Чтобы подтвердить платежеспособность нового хозяина и его способность «держать мельницу во всякой исправности», велено «по оном крестьянине собрать поручную запись с подписанием и порукою обчины и выборного бурмистра, чтоб ничто от окладной книги не было утаено или пренебреженно»²⁹.

Следующие два раздела тоже имеют большой объем: оклады с рыбных ловель – 61 лист (расписаны по станам), с пустошей и пожен – 68 листов (по станам), куда записаны также оброки за сдаваемые пустые дворовые и огородные и каменщицьи места в городе. Запустевшие места «по публикам» (т.е. с публичных торгов) передавались «охочим» людям из оброку, который назначался в зависимости от обстоятельств, «с наддачей», или с уменьшением оклада, или «против прежнего»³⁰. Материал этих разделов дает богатейшую информацию по топографии и топонимии Ростовского уезда.

Далее следует раздел, отражающий такое интересное явление, как частное винокурение. Помещик в своей вотчине имел право держать винокуренный куб для того, чтобы «вино курить про себя или для подряда на кабаки»³¹. О своем желании он должен был объявить в канцеляриях (воеводской, провинциальной, губернской), получить оттуда разрешение в виде клеймения его куба и платить ежегодный оклад в зависимости от объема куба в ведрах. Интересно то, что «мера» куба должна была соответствовать служебному чину помещика. Например, по челобитью отставного поручика Петра Алексея сына Лазарева в вотчине его в сц. Пустоши Задах Вексицкого стана для курения «про домовою его расход» по рангу его заклеямен куб мерою в 2 ведра³²;

вдове покойного капитана Петра Якимова сына Пашковского разрешили «по рангу мужа ее заклеить куб мерою в 3 ведра две четверти»³³; а «пример-маэор» Иван Андреев сын Салтыков челобитьем в воеводскую канцелярию просит вернуть ему винокуренный куб, написанный за отцом его и отобранный у него в соответствии с царским указом 1755 г., т.к. «оному господину был по рангу его сверх указной препорци»³⁴ (он был прапорщиком). Куб вернули с оброком, соответствующим его емкости. Если помещик какое-то время не хотел или не мог заниматься винокурением, он должен был вновь обратиться в канцелярию и, «запечатав куб отдать под охранение до того времени, как они впредь вино курить пожелают, и о невзыскании поведерных денег; которые же помещики курить вовсе не пожелают, объявить о таких кубах в канцеляриях и изломав оные... выключить по подлинному о том свидетелству из оклада»³⁵. Типичная статья этого раздела содержит сведения о владельце вотчины, ее местоположении, дате клеймения куба, его «мере» и величине оброка.

Все средства, полученные в соответствии с вышеперечисленными разделами, указом Сената относились к «положенным на Адмиралтейство», т.е. обеспечивали поступление денег на нужды флота. Вслед за ними в Книге приводятся статьи для сбора средств, «положенных в Камор-коллегию и Статс-кантору». К ним относится часть «питейных» сборов («при продаже вина поведерных – с вина по 2 коп., а от водки по 4 коп.», «с горячего вина с продажного по 10 коп. с ведра»³⁶), которые вносили 1-2 раза в месяц все те же выборные от ростовского купечества Федор Паутов и Иван Одинцов, а также «прибавочные на таможенное и кабацкое строение» по 10 коп. на ведро, и «новоприбавочные на продажное вино по указу 750 г.»³⁷, взимаемые «сверх откупов по разверстке» Камер-коллегии.

Следующий раздел – табачные пошлины. Прихода здесь нет, а раздел вписан в Книгу, т.к. чиновник воеводской канцелярии не мог самовольно изменить ее формуляр. Почему в Ростове не уплачивались табачные пошлины – видно из приведенной в этом разделе информации. Указом Камер-коллегии от 20 августа 1731 г. табачный сбор был отдан в вольную торговлю, но «1748 7 декабря по указу Правительственного Сената в Санкт-Петербурге, Москве и протчих великорусских городех табачный збор с 749 г. отдан на откуп московскому купцу Козме Матвееву с товарищи впредь на 4 года за известную сумму, а вол[ь]ной табаку продажи быть не велено. А 1752 25 ноября указом в Санкт-Петербурге, Москве и протчих великорусских городех с 1753 г. впредь на 6 лет отдан на откуп СПб купцу Леонтию Горбылеву за показанную в том указе сумму. А 759 3 января по указу Правительственного Сената табачный сбор во всех великороссийских городех, и в Сибирской губернии, и Иркутской провинцы по требованию господина генерал-фельдцейхместера П.И. Шу-

валова с 759 г. впредь на 18 лет отдан в содержание ему ис платежа прежней откупной суммы 70 тыс. руб. на год и сверх того подлежащих с откупной и с отпуску табачных пошлин»³⁸.

И последние два раздела – пошлины с домовых бань в городе и в уезде. Очевидно, что бани имелись далеко не у всех – за них платили воеводские подьячие, архиерейские дьяки и подьячие, служители духовной консистории, причт соборной церкви, попы и причетники приходских церквей. Простой народ обходился русской печью. Обращает внимание наличие только двух фиксированных окладов – или 1 руб., или 15 коп., чему в конце раздела дается объяснение: по указу 1725 г. имелись льготы у солдат и тех, кто положен в подушный оклад, поэтому «с таковых брать не велено»³⁹.

Рассмотренная Окладная книга предоставляет множество разнообразного материала по истории Ростова середины XVIII столетия, ценного своей несомненной достоверностью.

**

¹ См. статью этого же автора: Приходно-расходная книга Ростовской воеводской канцелярии за 1761 г. // ИКРЗ, 2007. Ростов, 2008. Эти два документа представляют собой единый блок финансовой документации: в окладной книге записаны все статьи окладных сборов, которые должна обеспечивать воеводская канцелярия, и делается отметка о приеме платежа, а подробная запись заносится в приходно-расходную книгу.

² ГМЗРК. Р-265.

³ См.: Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – нач. XX вв. М., 1978 С. 20 № 3. Ярославская мануфактура Андрея Затрапезнова, год выпуска 1756.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. №10.151.

⁵ ГМЗРК. Р-265. Л. 3-4.

⁶ Там же. Л. 6 об.

⁷ Там же. Л. 291 об.

⁸ Там же. Л. 6 об.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 7 об.

¹¹ Там же. Л. 8 об.

¹² Там же. Л. 9 об.

¹³ Там же. Л. 10 об.

¹⁴ Там же. Л. 12 об.

¹⁵ Там же. Л. 13 об.

¹⁶ Там же. Л. 18 об.

¹⁷ Там же. Л. 18 об.-20 об.

¹⁸ Там же. Л. 20 об.

¹⁹ Там же. Л. 22 об.

²⁰ Там же. Л. 27 об.

²¹ Там же. Л. 28 об.

²² Там же. Л. 29 об.

²³ См. сноску 1.

²⁴ См. сноску 1, приложение.

²⁵ ГМЗРК. Р-265. Л. 38 об.

²⁶ Там же. Л. 37 об.

²⁷ Там же. Л.121 об.

- ²⁸ Там же. Л. 96 об.-100 об.
²⁹ Там же. Л. 38 об.
³⁰ Там же. Л. 193 об.-278 об.
³¹ Там же. Л. 261 об.
³² Там же. Л. 283 об.
³³ Там же. Л. 284 об.
³⁴ Там же. Л. 280 об.
³⁵ ПСЗ. № 10.160 от 13 декабря 1753 г.
³⁶ ГМЗРК. Р-265. Л. 302 об.
³⁷ Там же. Л. 315 об.
³⁸ Там же. Л. 339 об.
³⁹ Там же. Л. 384 об.